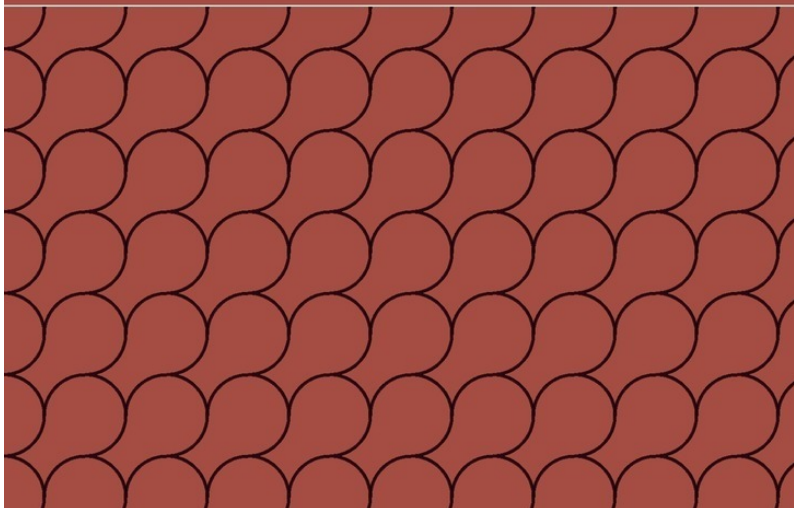

Мнир Шарафеев

*Сказка
о потерянной
гармонии*

Мнир Шарипович Шарафеев

Сказка о потерянной гармонии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16899814

ISBN 9785447441630

Аннотация

Написал потому, что не написать не мог, были мысли напечатать, не было не то что бы желания, думал, просто безделица, а мучает.

Содержание

Сказка о потерянной гармонии	5
Тело – предатель	7
Этюд для самоубийц	10
Сценарий короткометражного фильма «Клоун»	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

**Сказка о потерянной
гармонии
Мнир Шарипович
Шарафеев**

© Мнир Шарипович Шарафеев, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сказка о потерянной гармонии

И был он нищ и наг и не имел за душой никого, ни друзей, ни родственников и был так одинок, что был совершенно свободен. Но не хотел он такой свободы, а хотел обрасти друзьями и родственниками как обрастает весной дерево листьями, и как был, встал и пошел и начал искать. Много он прошел и во многие глаза смотрел, но никто не хотел быть родственником и никто не стал ему другом, и подернулась его душа стужей, и стал он спокойным и равнодушным взором смотреть течение вокруг себя словно был он бессмертным. И когда пробил его смертный час в страхе и сомнении оглядел он свой жизненный путь и не нашел его ни хорошим, ни плохим, но исполненным предназначения тайный смысл которого он не знал. И предстал он пред очи всевышнего и вопрошал Владыко – пошто обеты не соблюдал, пошто в храм не ходил и хрясть его прямо в рыло. Пал нагой и нищий в ад, а там черти – веселые, наглые, пьяные да смехастые и впервые душа его возликовала, впервые – то плакал он от счастья, вот они его – други и родственнички! И черти приняли его в свою компанию, и взъярилась нечистая сила и ринулась на землю, много там бед учинила – и землю трясли, и вулканы поджигали, наводнения устраивали, ураганы выдували, а были души людей, которые торчали много вверху, так и тех, кого просто сломали, а кого насмерть покале-

чили. Когда же выдохлось неистовство в сатанинстве, посидели черти, посидели да и съели душу нищего и нагого – так, на всякий случай. И выходит черт молодой да дерзкий и говорит – а давайте войдем в души людские и начнем интриги плести да всякие непотребности с ними делать, чтоб им тошно стало, чтоб неповадно было. А что, подхватили молодые, и то дело! Только старой нечисти не понравилось, ибо знали великий закон – НЕ РАЗМЕНИВАЙСЯ. Да что им, молодым, ветхое брюзжание, и вошли они в людей и много гадостей привнесли в души людские, оплели их хитросплетениями, извели их сомнениями, задурманили ложными посулами. И возликовали по началу, друг перед другом хвастаясь, как людишек изводили, а особенно, если через простоту и доверчивость. Но и люди научались, и стали их же увертками чертей обламывать, их же уловками дурачить, да так, что пришлось им изо всех сил выкручиваться и забыли они своё чертовое нутро. А помнит, что он Джон Иванович и баста, хоть волком вой. Иной из них заворотит своё свиное рыло на луну, да и взвоят, ан нет, нет обратной дороги-то. А не РАЗМЕНИВАЙСЯ.

Тело – предатель

Сон истончился в лист, рвался по сгибам век и сгорал от солнца, ввалившегося в окно ярким лучом. Глазное яблоко развернулось, и нервы глазного дна восприняли красный свет просвечивающей кожи закрытых век. Человек отвернулся и попытался забраться в одеяло, словно в ворох небытия, но тело уже отдохнуло за ночь и жаждало жить, оно проснулось – открыло веки и село. Подкатила тошнота и боль заполнила всё; не глядя, нащупал чайник и, зажмурившись, долго пил прямо из носика теплую и потому невкусную воду. От выпитой воды всё как-то потяжелело и обозначилось, в голове прояснилось, и человек снова закрыл глаза. Он сидел долго, задыхаясь от такой непомерной работы. Потом посмотрел на свои руки и отстраненно удивился, сколь тонкими и оттого чужими они стали, для верности пошевелил пальцами – они послушались, это были его пальцы и это тоже его удивило. Он подумал, что пока он спал, они истаяли и, возможно, он весь стал таким тонким, и потому выпитая вода так утяжелила его. «Боже мой, как мне больно и гадко, больно и гадко, даже тело меня не любит... и все гадко, гадко и гадко». Он упал навзничь и закрыл глаза, пытаясь обмануть себя и притворяясь спящим, но проснувшееся сознание стремительно всплыло и открыло глаза. Опять сел, медленно поднялся и пошел в гостиную;

посмотрел на часы – нет, не опоздал. «Я никуда не опаздываю, никогда». Начал одеваться и силы прибывали с каждым движением, а подкатывающая тошнота лишь добавляло току крови. Посмотрел в зеркало – «Побриться и совсем человек, а и так сойдет». Он взял недопитую бутылку и отхлебнул из горла, и тут же весь день вдруг встал перед ним непреодолимой стеной – пустая и нудная работа, друзья, с которыми соберутся после работы и опять напьются, бестолковые и бесполезные разговоры, пустые глаза, безвольные губы, опять будут спать, с кем попало. И только Лариска, именно Лариска, с которой они вместе, если так получалось, иногда лежат на кровати и молча курят после совокупления. Лишь эта вероятность совместного курения с ней и было тем, из-за чего можно было бы прожить весь этот неизбежный день. Только это привязывало его к живущим, к тем, кто имел хоть какие – то потребности кроме естественных. Как же было странным то, что обретало смысл. Он подумал о её знакомом и надоевшем теле, которое давно и часто терзал как собака свою старую подстилку, и ненужность этого дня стала совсем неотвратимым. Он встал перед ним какой-то огромной стеной, края которой было невозможно увидеть, его нельзя было заспать или же спрятаться, это как если ты стоишь перед невозможной невидимой преградой, которая снится в детстве и безысходность понимается даже во сне. В озлоблении он ударил бутылкой о стену. Она разбилась, а в руке осталось горлышко и вокруг рваное стекло. «Это называется – розоч-

ка, я знаю». Он посмотрел в зеркало и увидел свои глаза, он смотрел долго и медленно сказал: «Не смотри на меня», вначале тихо, потом все громче и громче: «Не смотри. Не смотри. Не смотри!». Закрыв глаза и с размаху ткнул «розочкой» в лицо почему-то оберегая глаза. Стекло, пробив кожу, ударилось о кость и хрустнуло, рот наполнился кровью, ему стало больно «Ага! Вот оно! Вот оно!». Он постоял, словно чего – то ожидая и вдруг с остервенением начал резать и колоть предателя – тело. Бил и бил зверея и калеча тело, тело которое хочет жить.

Этюд для самоубийц

Сон истончился в лист, рвался по сгибам век и сгорал от солнца, ввалившегося в окно ярким лучом. Глазное яблоко развернулось, и нервы глазного дна восприняли красный свет просвечивающей кожи закрытых век. Человек отвернулся и попытался забраться в одеяло, словно в ворох небытия, но тело уже отдохнуло за ночь и жаждало жить, оно проснулось – открыло веки и село. Подкатила тошнота и боль заполнила всё; не глядя, нащупал чайник и, зажмурившись, долго пил прямо из носика теплую и потому невкусную воду. От выпитой воды всё как-то потяжелело и обозначилось, в голове прояснилось, и человек снова закрыл глаза. Он сидел долго, задыхаясь от такой непомерной работы. Потом посмотрел на свои руки и отстраненно удивился, сколь тонкими и оттого чужими они стали, для верности пошевелил пальцами – они послушались, это были его пальцы и это тоже его удивило. Он подумал, что пока он спал, они истаяли и, возможно, он весь стал таким тонким, и потому выпитая вода так утяжелила его. «Боже мой, как мне больно и гадко, больно и гадко, даже тело меня не любит... и все гадко, гадко и гадко». Он упал навзничь и закрыл глаза, пытаясь обмануть себя и притворяясь спящим, но проснувшееся сознание стремительно всплыло и открыло глаза. Он понял, не уснуть и подумал: «Жизнь, ты дрянь

и дерьмо, ты дерьмо и дрянь и вообще, всё дрянь и дерьмо».

А денёк то разгорался, солнце неторопливо вползло на небосвод и стало вбивать биллионы мегаватт энергии в землю, которой было некуда деться, кроме как принять её всю, до последнего эрга. В дрожащем мареве обжигающего воздуха, какой – то нищий, выбравшийся за едой и теперь одуревший от жары, медленно умирал не в силах доползти до спасительной тени. Неумолчно звенели цикады, рои насекомых летали в расплавленной атмосфере. Торжествующий клёкот орла и предсмертный писк жертвы, злобный рык хищника и хриплая агония слабого. И всё это ревело, сипело, орало, шло неслышной поступью, кралось, ползало, убегаало первобытным и прекрасным воплем: «Жизнь, ты дрянь и дерьмо! Жизнь, ты дрянь и дерьмо!» и слова, при этом не имели никакого значения.

Сценарий короткометражного фильма «Клоун»

Уважаемый читатель, не сочти за школьное сочинение, снизойди, прочитай до конца.

Утро. Обычная комната. В открытое окно доносятся звуки улицы, и ветер колышет занавески. На кровати спит человек. Звонит будильник. Открывает глаза и бьёт ладонью кнопку. Встаёт. Идёт умываться. Одевается. Готовит завтрак. Ест. Переодевается. Светлая рубашка, темный костюм – тройка. Выглядывает в окно, в небе ни облачка. Пожимает плечами. Берёт зонтик и дипломат. Выходит на улицу. Идёт, кивком отмечая знакомых. Подходит к зданию с надписью «Цирк». Идёт через служебный вход, кивок вахтёру, встречающиеся здороваются с ним, что-то говорят, все звуки дробятся как разбитое стекло и не разобрать слов, хлопают по плечу, он молчит, кивает в ответ и улыбается. Добрался до своей уборной. Кладёт дипломат и зонтик, вешает костюм на плечики и садится перед зеркалом. Смотрит на себя.

Арена. Заканчивается выступление. Артисты раскланиваются и уходят. Тает свет, красным червячком истлел он в нити накаливания и умер. Никто не понял, что света нет, нет совсем. Свет умер. Во тьме откашлялись, отскрипели крес-

лами, отшуршали обёртками, отшептались и успокоились в недолгом ожидании начала нового номера. Темно и тихо. Тихо и темно. Шум улицы, теперь слышимый, обозначил непривычно затянувшуюся паузу. В необычной немоте заметили, что ни проблеска, ни в оркестровой ложе, ни в неплотно закрытых дверях, ни через неплотно запахнутый занавес, не горят даже надписи «выход». Стыло потянуло беспокойством, иззябнув плечи, нахмутив лоб и подогнув пальцы ног, как босиком на мокром и холодном.. Темно и тихо. Тихо и темно. Вдруг ниоткуда по манежу много крадущихся шагов и быстрый невнятный шепот. И опять темно и тихо. Тихо и темно. И медленно всплывает на серебряной, мерзлой, ладье Страх, поднимаясь вверх и цепenea мышцы и затрудняя дыхание, с онемевшими пальцами, судорожно вцепившимися в подлокотники и напряженной шеей. И с холодным потом бесшумно подступил Ужас, беззвучно хохоча и глумясь над широко открытыми и ничего не видящими глазами, каменея затылок и ледяными пальцами подбираясь к сердцу, готовому истошным криком вырваться в горло. Вот, вот забьётся слабый в истерике и вдали... еле слышный радостный смех, он приближается, растёт, он рядом! Смех врезается в невидимый занавес, запутался и упал. Щелчок включенного прожектора, в освещенном круге лежит человек вниз лицом. Он поднял голову, огляделся, сел. Встал. Отряхивается. Надел клетчатую кепку с большим козырьком. Ба! Ну, конечно же! Кто же еще может так смеяться, кроме настоящего

клоуна! Тот самый, всамделишный, рыжий парик, красный нос, короткие рукава и брюки, ботинки с большими носками. Рыжий в недоумении осматривается, пожимает плечами и идет наугад, за ним луч прожектора, и натывается на мима в черном трико. Клоун обрадовался, жмет ему руку, рассказывает смеясь: «Я тут бежал», показывает, как бежал: «денёк – то какой, и вот бах!... упал, ха-ха-ха... я так рад познакомиться... воооот». Лицо человека в черном – гримаса презрения и он сильно толкает Рыжего в грудь так, что тот падает, а сам выпрыгивает из освещаемого круга. Клоун поднимается со славой: «Нет же, ха-ха-ха, я же не обидеть, ха-ха-ха... смешно же... бежал, бежал ... и упал ха-ха-ха» и бежит в ту сторону, куда выпрыгнул мим и натывается на похожего, но другого, тоже хватается за руку и объясняет: «Понимаешь, я тут бежал, упал, ха-ха-ха, и тут наткнулся на одного, ха-ха-ха, наверное, я его обидел, я не хотел... ведь денёк – то какой, а! ха-ха-ха». И у этого мима отвращение на лице, хлесткая пощечина и выпрыгивает в темноту. У Рыжего отвалился накладной нос, но он бросается следом: «Куда же Вы, ха-ха-ха, я ведь просто познакомиться, ха-ха-ха, я сейчас всё объясню» и натывается на очередного мима и всё повторяется еще и еще. Немного добавился свет, и видно стало, что мимов много и они заняты какой-то серьезной работой, а клоун постоянно натывается на них и они избивают его, швыряют, пинают, таскают за волосы. При этом сорвали пиджак, оттоптали ботинки, слетел парик, кепи, размазали

грим. И вот после очередного сильного удара он уже не встал и он лежит в той же позе, когда вбежал на арену. Над ним склонился мим, который всё время шел в сторонке и смотрел, как издеваются над Рыжим. Дотронулся рукой до клоуна. Медленно лежавший сел. Встал. Это теперь просто человек, в обычном костюме и обычных ботинках, без грима. Он смотрит в прожектор как на солнце, опускает голову и, ссутулившись, устало уходит с манежа. Черный тоже смотрит в прожектор и какая – то отвратительная гримаса по лицу, то ли попытка улыбки, то ли злоба. Опустил голову. Сел сторбившись. Потом начал собирать то, что сорвали с клоуна, начал примеривать на себя. Постепенно вокруг него столпились другие черные, молча, смотрят, как тот напяливает на себя клоунские лохмотья и накладывает грим. Он становится ровно, руки по швам и говорит: «Ха, ха, ха». Слова падают в тишину и это слова, а не смех. Мимы расходятся группами, в одиночку, достают материю, нитки, пуговицы и т. д. Шьют себе наряды, накладывают грим, потом одеваются, спорят, кричат, учат друг друга смеяться. Говорят: «Ха, ха, ха, хи, хи, хи». Пытаются пальцами сделать улыбку и кому-то при этом порвали рот, он сидит и пытается зажать рану, что бы не текла кровь. Они щекотят друг друга, объясняют, как нужно смеяться, что такое смех. Устали. Сели и молчат. И тут замечают, что на краю большого освещаемого круга сидит маленький ребёнок и лепит песочные куличи, он что-то лепечет и посмеивается. Мимы потихоньку по-

двигаются к ребёнку, окружают и молча, слушают. В тишине только лепет ребёнка, он садит в лунку веточку и поливает маленькой лейкой. И тут черные заплакали, по лицам их текут слёзы, размазывая грим, они смотрят на дитя и не вытирают глаз. Выходит Рыжий в обычной одежде. Подходит к малышу, берёт его за руку, и они идут к выходу. Маленький человечек выдернул руку из руки бывшего Клоуна и побежал обратно, взял там что-то: «Папа, я лопатку забыл» и назад. Рыжий подхватил его на руки и, закрыв глаза, стоит, плачет и улыбается. Подходит тот самый мим, который до этого всё ходил за ним, и смотрит на них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.